

На улице толпились люди, и вскоре кто-то обратил внимание на тихий угол, где прямо на улице молодой ученый писал картину. А объектом его кисти оказалась целая семья из четырех человек.

— Что это он делает? — остановился любопытный прохожий.

— Я только что спросил, говорят, пишет цзюаньцзяфу - семейный портрет, — ответил сосед, заложив руки за спину.

— Семейный портрет? Это ещё что за диковина?

— Кто ж знает. Похоже, хочет всех домочадцев на одном листе изобразить.

Ученый держал кисть, в душе чувствуя волнение. В своих художественных навыках он был уверен, но вот перед такой толпой рисовать ему ещё не доводилось. Пришлось долго успокаиваться, чтобы в момент, когда кисть коснулась бумаги, рука не дрогнула. Войдя в ритм, он постепенно забыл о смущении: то и дело поднимал глаза на модель и тут же снова опускал кисть, движения становились всё более свободными, словно плывущие облака и текущая вода.

Впервые сидя так, чтобы его рисовали, Вэнь Ецай сидел с идеально прямой спиной. По некоторым взглядам, что задерживались на его лице, он невольно ощущал - обсуждают, наверное, его наружность. Но ему было всё равно: он ведь не внешностью зарабатывает на жизнь. Главное, что он нравится Юй Шанчжи.

Спустя некоторое время, получив от Юй Шанчжи осторожный знак, что можно чуть-чуть пошевелиться, Вэнь Ецай наконец открыл рот:

— С чего это тебе вдруг захотелось, чтобы нас нарисовали? Этот... семейный портрет - у вас на родине такой обычай?

Из-за присутствия Вэнь-эрню и Вэнь-санья он выразился завуалированно, но Юй Шанчжи, конечно, понял намёк.

— Можно так сказать. Каждый год оставлять по одному семейному портрету: потом, когда откроешь и вспомнишь, будет как памятная частичка прошлого.

Юй Шанчжи хоть и владел каллиграфией, в живописи не преуспел. Простенький пейзаж или птицу, цветок изобразить мог, но вот людей никак. А ведь в это время нет фотографий. Он дорожил каждой минутой, проведённой с семьёй Вэнь, и, завидев ларёк художника, на ходу решил: пусть хотя бы так у них останется «снимок».

Не говоря уже о том, что они с его А-Е ещё будут стареть вместе с течением лет, даже одни Эрню и Санья сейчас растут не по дням, а по часам, из года в год меняясь до неузнаваемости.

Единственная загвоздка заключалась в том, что портрет людей писать трудно: нужно и схожесть уловить, и красками проработать, быстро не управиться. Поэтому сегодня ученый только набрасывал эскиз, а дальше собирался дорабатывать постепенно.

И всё же за такую работу ученый долго мялся, а потом, дрожащим голосом, вымолвил цену восемь цяней серебра с видом человека, ожидающего, что Юй Шанчжи сочтёт это грабежом. Но когда тот без колебаний согласился, радости ученого не было предела. Он даже поспешил добавить, что фонарик-кролик пусть возьмут в подарок, денег за него не нужно.

Молодой ученый склонился над бумагой и начал выводить линии. Почти каждый прохожий непременно останавливался, чтобы заглянуть, и, заметив, что пишется именно человеческий портрет, выражал неподдельное удивление. Ведь для большинства людей изображение человека ассоциировалось лишь с нарисованными на Новый год дверными богами или с простенькими иллюстрациями в дешёвых книжных историях.

Семья Вэнь просидела на месте добрых полчаса, и когда ученый наконец сказал «готово», у Вэнь-эрню уже возникло чувство, будто её зад расколосся надвое. Брат с сестрой никогда ещё не попадали «на бумагу», так что все трое любопытно склонились взглянуть.

Профан видит лишь зрелище, знаток же — мастерство. Юй Шанчжи всматривался в линии и приёмы, а остальные - в то, какими они вышли на бумаге. Лёгкие мазки туши, и в них живая душа. Глаза Юй Шанчжи чуть расширились: он явно недооценил уровень этого ученого. За такую работу всего восемь цяней - почти что даром. Но такова доля бедного учёного: учёба пожирает средства, а землю он не пашет. Из всех способов добыть кусок хлеба остаётся только каллиграфия и живопись. А в уезде знатоков мало; заломишь цену - никто не купит. Вот и остаётся рассчитывать лишь на то, чтобы окупить бумагу и тушь, а сверху получить хоть что-то мелкое уже хорошо.

— Господин, — поднял голову ученый, — картину мне нужно забрать домой для раскраски. Не подскажете, где ваш дом в уезде? Когда закончу, непременно доставлю её к вам.

Тут Юй Шанчжи и понял, что ученый его неправильно понял. Он мягко улыбнулся:

— Я живу не в уезде Лянси, а в деревне. Не нужно приносить картину к нам домой. Мы с супругом каждые несколько дней приезжаем в город торговать, тогда и зайдём за ней. Вы всегда ставите свой ларёк здесь?

Ученый удивился, но быстро кивнул:

— Верно, я каждый день здесь.

— А за сколько дней закончите? — уточнил Юй Шанчжи.

Тот подумал немного и ответил:

— Не больше трёх дней.

Юй Шанчжи кивнул, обернулся к Вэнь Ецаю, перекинулся с ним парой слов и снова сказал:

— Тогда через три дня мы придём забрать, и в то время я отдам вам вторую половину платы. Кстати, как ваша фамилия?

Ученый замер, а потом поклонился:

— Фамилия Лу, имя Сяо.

Забрав подаренный Лу Сяо фонарик, семья Вэнь снова влилась в людской поток. За утро они и в храме Гуаньинь побывали, и по ярмарке прошлись, и полдня просидели, пока их писали. Теперь тофу, что ели раньше, успело уже полностью перевариться.

— Впереди продают жареные пирожки, — сказал Юй Шанчжи. — Я встану в очередь.

Он уловил в воздухе запах масла и заметил у проходящих людей в руках бумажные свёртки, значит, там точно торговали жареными пирожками. Он помнил, что Вэнь Ецай и Вэнь-эрню любят такие лакомства, но всё же это слишком жирное, а слабый желудок Вэнь-санья не выдержит, много есть ему нельзя. В итоге он купил три пирожка, все с сахарной начинкой. Вэнь Ецай и Вэнь-эрню досталось по одному, а себе Юй Шанчжи взял лишь половину и разделил её с Санья.

Вкусностей вокруг хватало, не стоило набивать живот одним-двумя пирожками. И правда, через пару шагов у них в руках уже оказалась порция рулетов Лудагун. Такие липкие и тянущиеся сладости особенно нравились девочкам и герам, только вот есть их было не слишком удобно: лёгкий ветерок — и пудра из сои летит во все стороны.

Вэнь Ецай подцепил кусочек бамбуковой шпажкой и протянул к губам Юй Шанчжи. Тот открыл рот и принял кусочек. Клейкий рис тянулся и лип к зубам, пришлось долго жевать, прежде чем удалось проглотить. Он повернул голову и увидел Вэнь Ецай: тот запихнул в рот добрый кусок, так что щёки раздуло, прямо как у хомяка.

Юй Шанчжи едва удержался, чтобы не ткнуть туда пальцем, и вместо этого огляделся по сторонам, купил на соседнем прилавке бамбуковый стаканчик тёплого рисового настоя. Это был не алкоголь, а густоватый отвар из риса с добавлением цветов османтуса, ароматный и сладкий.

— Ешьте медленнее, не то подавитесь, — напомнил он.

Бамбуковая кружка обошла по кругу братьев и сестру, помогла наконец протолкнуть в горло липкий Лудагун.

Вспомнив, что вечером ещё предстоит есть лунные пироги, Юй Шанчжи предупредил: сегодня по дороге больше сладостей покупать не будут. Вэнь-эрню тут же украдкой высунула язык в сторону Вэнь Ецая. Всем ведь известно, что именно старший брат сладкое любит больше всех. Вэнь Ецай тут же отвесил ей щелчок по лбу.

К полудню, как и планировали, вся семья отправилась в закусочную Чжу. Знакомых у них в уезде было немного, а уж раз приехали в праздник, следовало и с управляющим Чжу поддержать отношения. Тем более что ещё оставался вопрос с золотыми листочками, нужно было вернуть любезность.

Юй Шанчжи долго ломал голову, как именно отблагодарить, и наконец придумал. Подходящим поводом стал Праздник Середины Осени.

У входа их встретил знакомый официант, приветливо улыбаясь:

— Рад видеть вас, на верхнем этаже ещё свободна отдельная комната, позвольте проводить.

Юй Шанчжи спросил, в закусочную ли сам Чжу Тун.

Официант ответил:

— Управляющий сейчас на кухне, я схожу передам, и он вскоре поднимется.

Так и вышло: спустя некоторое время Чжу Тун поднялся к ним наверх. После взаимных приветствий и пары дежурных фраз, Юй Шанчжи, понимая, что тот сегодня занят, не стал тянуть и сразу вынул из рукава заранее приготовленный список блюд.

Семья Чжу держала закусочную, и лучшего подарка, чем новый рецепт, для ответного визита и быть не могло. Юй Шанчжи, начитанный и знающий толк в кухонных премудростях, тщательно подобрал несколько особых блюд. Этот список мог помочь небольшому заведению подняться на новую ступень. К примеру, он предложил Чжу Туну завести горячий горшок-хого, ведь с осенними ветрами дни становились всё холоднее. На бумаге было нарисовано, как должен выглядеть сам котёл, расписаны способы подачи, варианты бульона и приготовление соусов.

Сам Юй Шанчжи, по правде говоря, никогда не пробовал готовить подобное, но был уверен, что повара Чжу сумеют воспроизвести задуманное.

А Чжу Тун, человек опытный, быстро понял ценность этих записей.

— Хого... никогда о таком не слышал, — пробормотал он, но уже представил, как в зимние холода посетители, дрожа от стужи, увидят эти два иероглифа. Кто бы отказался попробовать?

Сжимая в руках тонкий листок, он был до глубины души тронут. Подобные секреты либо передаются в семье из поколения в поколение, либо случайно попадают в руки от редких встречных, и уж в любом случае не выставляются на показ. Даже если ими делиться, то за солидную цену.

Юй Шанчжи имел способности куда большие, чем простой деревенский травник. Если бы он сам открыл ресторан с таким рецептом, то наверняка добился бы известности. Но он, не раздумывая, передал список блюд Чжу Туну, отдавая должок за те золотые листики, что некогда были спрятаны в коробке с едой. И всё же несколько тонких золотых пластин никак не могли сравниться с ценностью этой кулинарной находки. В ту же минуту Чжу Тун почувствовал глубокую признательность. В сердце зародилась мысль, но он решил повременить с её озвучиванием. Он велел подать для семьи Вэнь щедрый праздничный обед в честь Праздника Середины Осени - с блюдами, сладким осенним пирогом с османтусом и хмельным османтусовым вином.

Днём, конечно, любоваться луной было невозможно, и трапеза стала скорее приятным поводом побаловать себя в городе. На столе вновь появилось острое жаркое из куриных потрохов. На этот раз Юй Шанчжи к нему даже не прикоснулся, зато Вэнь Ецай и Вэнь-эрню угощались с таким аппетитом, что от блюда не осталось и следа.

Так как был праздник, Юй Шанчжи тоже угостил Вэнь Ецай бокалом сладковатого вина с цветами османтуса. Вино оказалось лёгким, лишь оставляло во рту тонкий аромат. Поставив рюмку, он снова взялся за палочки и положил каждому - супругу, Эрню и Санье - по кусочку тушёной на пару рыбы.

Когда все насытились, Юй Шанчжи положил рецепт в угол стола. Он уже собирался попрощаться с Чжу Туном, но неожиданно его позвали в заднюю комнату. Пока они ели, Чжу Тун успел составить расписку: в ней было указано, что он получил рецепт от Юй Шанчжи, и отныне всё, что удастся на нём заработать, будет считаться совместным, а каждые три месяца он будет отдавать Юй Шанчжи 20%.

Юй Шанчжи нахмурился:

— Чжу-чаншуй, вы действительно не обязаны так поступать.

Но Чжу Тун сам налил ему горячего чая и спокойно сказал:

— Мы ведь встречаемся не в первый раз. С учётом разницы в возрасте, можно считать нас старыми друзьями. В прошлый раз ты понял, зачем я сделал подарок, а теперь я понимаю, зачем ты сделал ответный. Но вот что: такие одолжения туда-сюда, если их станет слишком много, только утомят. Так что пусть будет так: рецепт считается твоим вкладом в наше дело, а доля в прибыли для тебя будет совершенно справедливой.

Увидев, что Юй Шанчжи колеблется, Чжу Тун снова заговорил:

— Если ты не согласишься, у старика вроде меня на сердце будет тяжесть. И тогда я ещё буду ломать голову, как отплатить за такой щедрый рецепт.

Эти слова попали Юй Шанчжи прямо в больное место. В прошлой жизни именно из-за бесконечных обменов одолжениями он накопил немало раздражения, и теперь вовсе не хотел снова ходить по этому кругу.

Он чуть смягчился, и тогда Чжу Тун подвинул расписку поближе. Но Юй Шанчжи сказал твёрдо:

— Благодарю за добрые намерения, Чжу-чаншуй, но 20% - это слишком много, хватит и 10. К тому же пока это лишь рецепт на бумаге, блюда мы ещё не попробовали. Лучше будет дожидаться, когда оно появится на столе и принесёт прибыль, и тогда уже обсуждать.

Чжу Тун посмотрел на него и понял, что тот не изменит своего решения. Пришлось уступить:

— Ну что ж, тогда я перепишу расписку заново. Я планирую к зиме включить это блюдо в меню, и тогда ты непременно поставишь свою подпись.

Юй Шанчжи поднялся и почтительно поклонился:

— В таком случае, отныне Чжу-чаншуй - бог богатства нашей семьи.

А старый лис Чжу Тун, уже представляя, как его закусочная будет ломиться от посетителей и денег, искренне улыбнулся:

— Да что ты! Настоящий бог богатства для моего заведения - это сам Юй-ланчжун!

Покинув закусочную семьи Чжу, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай никак не могли уйти с пустыми руками. Чжу Тун велел набить две большие коробки лунными пирогами и пирожными, да ещё в придачу подарил два керамических жбана с османтусовым вином, так что супружеская чета сэкономила немалую сумму.

— Выходит, нам теперь только «бумаги лунного света» не хватает, — сказал Юй Шанчжи. — Пойдём забирать телегу, по дороге купим парочку.

Осенняя «бумага лунного света», похожая на новогодние картинки, продавалась в книжных лавках. Когда они дошли до места, там уже толпилось немало людей, выбирая листы с изображениями. Подойдя ближе, они увидели три разных сюжета и взяли по одному каждого вида. Так как картинки печатались с вырезанных деревянных досок, среди них попадались и

смазанные, и неполные. Юй Шанчжи всё тщательно просмотрел, убедился, что листы целые, и только тогда Вэнь Ецай расплатился.

Вэнь-эрню держалась от книжной лавки подальше: с тех пор как её заставили учить грамоту, при виде книг у неё кружилась голова. А вот Вэнь-санья явно хотел зайти внутрь, и сестра с досадой подтолкнула его прямо в объятия Юй Шанчжи.

— Брат Юй, может, вы с Санья заглянете в книжную лавку? — спросила Вэнь-эрню.

Юй Шанчжи посмотрел на неё сверху вниз:

— Похоже, ты сама собралась с братом куда-то ещё?

Девочка сразу вцепилась в рукав Вэнь Ецай:

— Брат, я хочу вон в ту лавку украшений... Можно?

В итоге пара разделилась: Юй Шанчжи повёл Санья в книжный, а Вэнь Ецай, подталкиваемый сестрой, отправился в лавку украшений. Супруги беспомощно переглянулись и пошли каждый в свою сторону.

Когда они встретились снова, у каждого в руках было что-то новое. Юй Шанчжи купил Санья новую книжку, а себе медицинский трактат. Вэнь-эрню приобрела две деревянные шпильки: одну для себя, другую для Кон Майя. А у Вэнь Ецай в руках оказался маленький тканевый свёрток, который он не раскрывал. Юй Шанчжи ждал-ждал, но так ничего и не увидел. Тогда он с нарочитой серьёзностью спросил:

— И что же, сейчас посмотреть нельзя?

Вэнь-эрню явно получила приказ молчать: губы плотно сжаты, только вертит в руках шпильку. А Вэнь Ецай спрятал свёрток за пазуху и таинственно сказал:

— Вечером увидишь.

Дорога в деревню прошла быстро, вола запрягли в телегу, и вскоре семья вернулась домой. Немного передохнув, Вэнь Ецай уже засуетился с ужином.

Эрню с Санья пошли во двор кормить скотину, Юй Шанчжи наполнил все корыта водой, нарубил корма для свиней, а когда закончил, взял за спину лечебный ящик, прихватил несколько лунных пирогов и османтусовой выпечки и направился к дому Кон.

Над двором уже тянулся дымок, видно, Кон Майя тоже готовила ужин.

— Учитель, вы пришли! — поспешно распахнула ворота она, увидев Юй Шанчжи.

Он вошёл в дом и протянул свёрток:

— Вот, немного лунных пирогов и сладостей. Сегодня праздник, пусть будет хоть что-то к случаю.

Кон Майя крепко прижала узелок к груди, даже не подумала отказаться:

— Спасибо, учитель.

Юй Шанчжи улыбнулся и добавил:

— Эрню тоже купила для тебя маленький подарок, но настаивает, что должна вручить его сама. Так что я не стал приносить. Ладно, занимайся ужином, а я загляну к твоему отцу и пойду.

В эту ночь полнолуния он особенно ясно почувствовал, насколько тихо и пустынно в доме Кон. Кон И полусидел у изголовья кровати, кутаясь в одеяло и перебирая в руках маленький фонарик. Когда Юй Шанчжи вошёл, он с усилием поднял голову:

— Юй-ланчжун, в праздник вас опять утруждаю...

Юй Шанчжи присел рядом, раскрыл лекарственный ящик, достал подушечку для пульса и уверенно сказал:

— Это всё моя обязанность.

Кон И смущённо улыбнулся и протянул руку. С тех пор как пальцы снова обрели подвижность, его состояние стало гораздо стабильнее. Юй Шанчжи по-прежнему регулярно делал ему иглоукалывание, не прерывая курс отваров. Полностью восстановиться уже было невозможно, но удерживать достигнутое тоже было немалым делом. Ведь неподвижность и старые, когда-то недолеченные травмы оставили в теле скрытые угрозы.

— Ничего серьёзного, — заключил Юй Шанчжи, убрав руку.

Сказав это, он убрал руку, а краем глаза заметил, как Кон И будто бы выдохнул с облегчением. Кто бы мог подумать, что тот самый мужчина, когда-то решивший уйти из жизни голодовкой, теперь будет тревожиться о результатах очередного осмотра.

Юй Шанчжи перевёл взгляд на фонарик:

— Это ты делаешь цветной фонарь?

Кон И слегка опешил, затем горько улыбнулся:

— Да. Просто руки теперь хоть что-то могут, вот и построгал немного бамбука, хотел для Майи фонарик смастерить. Только вот когда нужно наклеить бумагу и рисовать, уже не решаюсь братья за кисть.

Теперь его пальцы могли сплести сандалии, могли скрепить каркас фонаря, но кисть в них дрожала так, что любое клякса испортила бы всю работу.

Юй Шанчжи посмотрел на фонарик, и вдруг в нём проснулся азарт:

— Давай я попробую.

Пока Кон Майя хлопотала на кухне и не ведала, чем заняты отец и учитель, в комнате кипела тихая работа. А когда она, уже после ухода Юй Шанчжи, внесла на подносе тарелку с лунными пирогами и пирожными, то увидела на столе новый маленький фонарик. На одной стороне простым, но чётким контуром был нарисован кролик, толкущий лекарство в ступке, а на трёх других выведены стихи.

Кон И тихо сказал:

— Это твой учитель для тебя написал.

Поскольку в доме Кон жили лишь отец и дочь, Юй Шанчжи обошёл стороной все строки о семейных воссоединениях.

«Не говори о тучах и о луне ущербной, лишь радуйся - нынче праздник на земле.

Хороший праздник! Пусть же из года в год мы видим ясный осенний свет луны...»

Слова были простые, и Кон Майя без запинки прочла их вслух. А дочитав, вдруг подняла глаза на отца, словно поняла скрытый смысл. И как же не понять было самому Кон И? Он взглянул на давно лишь наполовину открытое окно и сказал дочери:

— Открой створки пошире. Сегодня мы с тобой тоже отметим как положено, вместе посмотрим на осеннюю луну.

В ночь пятнадцатого числа восьмого месяца в каждом доме любовались ею. Погода стояла благоприятная: сияющий диск луны, светлый как серебро, озарял всё вокруг. Воздух был уже по-осеннему свеж, но не холоден, ветер сухой и лёгкий. Урожай собран, посев завершён - наступало то редкое время сельской тишины и покоя, самое приятное в году. Люди выставляли столы и скамьи во дворы: как и в праздник седьмого месяца, сперва совершали жертвоприношение предкам, возлагали подношения и сжигали «бумагу лунного света», а потом, любуясь луной, садились за стол.

На столе у семьи Вэнь стояли самые разные угощения. В центре красовалось главное блюдо - тушёная свинина в соевом соусе, приготовленная Вэнь Ецаем, а рядом кусочки рыбы из собственных рисовых полей, жареные в кисло-сладком соусе. Рисовые рыбы ещё были мелковаты, до времени продажи не доросли, но для семейного ужина хватало. Пару лишних рыб вместе с пирожными они отправили в подарок сельскому старосте, семье Сюй Пэна и Ху Дашу.

Подаренные управляющим Чжу лунные пироги и сладости выглядели особенно нарядно, так что получатели даже почувствовали неловкость, не зная, чем отплатить. В деревне же самым ценным считались белая мука, яйца да мясо. Поэтому когда Вэнь Ецай и Вэнь-эрню вернулись домой после обхода, у них в руках оказалось ещё несколько гостинцев.

В итоге стол оказался заставлен до краёв, и напоследок Вэнь Ецай открыл глиняный кувшин с осенним вином на цветах османтуса. Днём в закуской Чжу они не могли позволить себе много выпить, зато вечером, в сам праздник, можно было наконец распробовать вдоволь. Даже Вэнь-эрню, с серьёзным видом, налила себе крошечную чашку, пригубила и зажмурилась от удовольствия. Юй Шанчжи только отметил про себя, что эти брат и сестра ну удивительно похожи: и перец острый обожают, и к вину тянутся с юных лет.

Ясная луна сияла в небе, и он предложил всей семье поднять чаши и чокнуться. Вэнь-санья пить вино не мог, поэтому ему налили медовой воды. Четыре чаши звякнули друг о друга, и Юй Шанчжи тихо произнёс строки, которые он оставил на фонаре в доме семьи Кун:

«В добрые времена, пусть из года в год мы видим полную луну осени...»

Просто, понятно и по-доброму - самая искренняя фраза добрых пожеланий.

Вэнь Ецай, казалось, запомнил эти слова крепко-накрепко, даже после трёх кружек вина всё ещё шептал их себе под нос.

Юй Шанчжи, глядя на раскрасневшуюся Вэнь-эрню, заметил, что даже она, девчонка-подросток, держится лучше, чем его супруг.

— А-Е, ты ещё не уснул? — он помахал ладонью перед глазами супруга.

Неожиданно Вэнь Ецай поймал его за руку.

— Я не сплю, — пробормотал он, чуть заплетающимся языком. — Мы же ещё не ели лунные пироги.

Пьяный Вэнь Ецай выглядел как-то особенно мило, и от этого у Юй Шанчжи внутри сразу потеплело.

— Сначала сожжём лунную бумагу, — мягко сказал он, — а потом съедим пироги.

Он помог супругу сесть прямо, снял с жертвенного стола листы «лунной бумаги», поднёс к лампе, зажёл и бросил пылающие листы в медный таз.

Лунные пироги тоже перекочевали в руки каждого. Юй Шанчжи, вымыв руки, разломил их, себе взял с ореховой начинкой, а с бобовой пастой и лotosовой отдал остальным троим. По идее, Вэнь Ецай тоже должен был любить сладкое, но в этот вечер почему-то тянулся именно к тому, что ел Юй Шанчжи. Тот, вздохнув, повернул свой надкушенный пирог другой стороной и подал супругу, чтобы тот мог откусить с чистого края. Но пьяный человек не действует по правилам. Вэнь Ецай упрямо потянулся и всё-таки приник к тому месту, где уже оставил след его муж.

На вкус пряник с пятью орехами из ресторана Чжу, по мнению Юй Шанчжи, был сделан весьма недурно: в меру сладкий, с богатой текстурой. Вэнь Ецай, похоже, не разделял восторга, он нахмурился, прожевал и всё-таки проглотил.

Юй Шанчжи, улыбаясь краешком губ, отломил кусочек пирога с лotosовой начинкой и поднёс к его рту:

— Этот или тот вкуснее?

Вэнь Ецай послушно ответил:

— Этот вкуснее.

Юй Шанчжи мягко усмехнулся и докормил супруга оставшимся кусочком.

Поев лунных пирогов, семья сочла праздник завершённым. Желудки были довольны, сердца спокойны: на лицах всех читалось тихое, сытое умиротворение.

Убрав со стола посуду и скамейки, Юй Шанчжи проводил Вэнь Ецай в спальню. Подумав немного, он решил не варить ему похмельный отвар. Османтусовое вино мягкое, тяжёлых последствий не даёт, да и Вэнь Ецай не выглядел пьяным, просто слегка опьянённым, будто парил над землёй. Полежав немного, он понемногу пришёл в себя. Когда Юй Шанчжи вернулся с чашкой горячей воды, то увидел, как Вэнь Ецай вдруг, словно карп, рывком поднялся с постели.

— Где моя верхняя одежда?!

Юй Шанчжи, сразу поняв, в чём дело: супруг явно вспомнил о свёртке, купленном в ювелирной лавке, и спокойно указал на крышку сундука:

— Там.

Вэнь Ецай сунул ноги в туфли, подошёл и достал из складки тот самый свёрток, зажав его в ладони. Юй Шанчжи приблизился, держа влажный платок, и стал вытирать супругу лицо.

— Теперь можно посмотреть? — с лёгкой улыбкой спросил он.

Тёплая ткань скользила по щеке, оставляя за собой лёгкий пар, и по мере того, как кожа подсыхала, Вэнь Ецай становился всё трезвее.

Он протянул руку:

— Дай ладонь.

Юй Шанчжи повиновался, и Вэнь Ецай перевернул свою руку, прижимая её к его. В следующую секунду Юй Шанчжи почувствовал, что в его ладони оказалось что-то маленькое.

Когда Вэнь Ецай убрал руку, на ладони Юй Шанчжи действительно лежали два серебряных кольца. Хотя он и догадывался, что именно скрывал супруг, в его взгляде всё равно мелькнул отблеск удивления и лёгкого волнения.

— Ты купил их? — тихо спросил он.

Вэнь Ецай кивнул и взял одно кольцо, аккуратно надел его на палец Юй Шанчжи. Он заранее подготовился: как-то ночью, когда Юй Шанчжи спал, потихоньку измерил его безымянный палец хлопковой ниткой, и теперь кольцо село идеально.

— Ты же говорил, — начал он, — что у тебя на родине, когда женятся, муж должен подарить супругу кольцо. Но ведь ты пришёл в мой дом, значит, купить его должен я. В лавке не оказалось готовых, но там был старый серебряных дел мастер. Он сказал, что это пустяки, он может выковать прямо на месте.

Так и сделали.

Юй Шанчжи посмотрел на Вэнь Ецай, в его глазах отражался лунный свет, и на миг показалось, будто само небо стало ближе. Через секунду он опустил взгляд, взял второе кольцо

и, с не меньшей осторожностью, надел его на палец мужа. Вэнь Ецай поднял руку, рассматривая её под разными углами, словно не мог насмотреться.

Он и прежде трепетно относился к любым подаркам от Юй Шанчжи. Серебряный браслет, который тот подарил на свадьбу, Вэнь Ецай надевал лишь однажды, в день торжества, а потом убрал в шкатулку, чтобы не поцарапать. Позже Юй Шанчжи сказал, что серебряные вещи нельзя надолго оставлять без дела, иначе со временем они темнеют. С тех пор Вэнь Ецай то и дело доставал браслет, бережно протирал его мягкой тряпочкой, чтобы блестел, как новый. Но кольца — это другое. Маленькие, лёгкие, они не мешали ни работать, ни заниматься делами. И теперь у каждого на руке был свой серебряный ободок, который всегда рядом.

Они сидели так близко, что в воздухе ещё витал тёплый сладкий запах османтуса и вина. На мочке у Вэнь Ецай была крошечная дырочка от старой серьги. Юй Шанчжи не удержался, наклонился и легко коснулся губами этого места.

Свет в комнате ещё горел, впервые всё происходило не в темноте, а под мягким, живым сиянием лампы. Вэнь Ецай растерянно обнял Юй Шанчжи, его пальцы скользнули по спине мужа, потом опустились вниз, и их руки переплелись. Кольца соприкоснулись - два тонких серебряных обруча, поблёскивающих, словно отражение луны в комнате.

«Не говори о полнолунии и ущербе, радуйся лишь, что это доброе время. Доброе время, пусть из года в год мы видим одну и ту же осеннюю луну».

(ПП: стихотворение Сюй Ючжэнь, «Осенняя луна», династия Мин.)

<http://bllate.org/book/13600/1205980>